

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.7

А.В. Голдовская

ПОЛИТИКА ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Рассматриваются причины несостоятельности мер политики позитивной дискриминации в отношении людей с инвалидностью. Анализ осуществляется посредством социально-философской рефлексии с целью выявления оснований господствующих теорий как негативной, так и позитивной дискриминации. Обосновывается тезис, что проблемные места политики позитивной дискриминации обуславливаются методологией, основанной отчасти на переворачивании оппозиции.

Ключевые слова: инвалидность; дискриминация; другой; политика позитивной дискриминации; философия инвалидности.

Проблема инвалидности на сегодняшний день выходит на новый уровень осмысления. Если раньше данный вопрос рассматривался в контексте дискриминации с точки зрения медицинской модели инвалидности, где ключевым являлось излечение или «дотягивание» до нормы, а в случае неуспешности методов – исключение из общества, то сегодня большее внимание уделяется стремлению включить людей с инвалидностью в социум. Об этом свидетельствует множество нормативных правовых актов, закрепляющих недопущение дискриминации в отношении людей с инвалидностью. Так, в Конвенции о правах инвалидов закреплено, что «дискриминация в отношении любого лица по признаку инвалидности представляет собой ущемление достоинства и ценности, присущих человеческой личности» [1]. Недопустимость дискриминации по признаку инвалидности также регламентирует отечественный федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [2].

Изменение отношения к проблеме инвалидности прослеживается не только на политическом и социальном уровне, но и на академическом, в силу смены научного дискурса с медицинской модели инвалидности на социальную. Согласно социальной модели инвалидности ответственность за исключение людей с физическими или интеллектуальными ограничениями перекладывается на само общество. В качестве приоритетного способа преодоления изоляции инвалидов выделяется политика, получившая название позитивной дискриминации, под которой понимаются меры, направленные на предоставление преимуществ тем группам общества, к которым часто относятся несправедливо из-за их расовой, половой и тому подобной принадлежности [3]. Впервые «позитивные действия» в рамках государственной политики были применены в 60-х гг. XX в. в США по отношению к представителям расовых меньшинств [4]. Позже политика позитивной дискриминации распространилась и на другие ранее дискриминируемые группы, в том числе и на инвалидов. На сегодняшний день меры позитивной дискриминации в отношении людей с инвалидностью применяются чаще всего в сферах образования (инклюзивное образование), занятости (квотирование рабочих мест), материального обеспечения (выплаты, пособия, пенсии) и др. Однако, несмотря на активное

внедрение и реализацию мер позитивной дискриминации в отношении инвалидов, нередко их положение остается прежним, или же изменения происходят достаточно медленно, и как результат не решается основная проблема – интеграция людей с инвалидностью в социум.

Исследовательский вопрос данной работы заключается в выявлении причин несостоятельности политики позитивной дискриминации в вопросе интеграции инвалидов в социум. Гипотеза, объясняющая причины этому, заключается в том, что интерпретации позитивной дискриминации, несмотря на их внешне положительную окраску, сохраняют в себе дискриминирующий характер и опираются на такие же социально-философские основания, что и негативная дискриминация.

Для начала необходимо обозначить подходы к пониманию дискриминации инвалидов, а также социальные и философские теории, объясняющие причины существования данного феномена. Дискриминацию в отношении людей с инвалидностью принято обозначать двумя терминами: эйблизм (от англ. *ableism*) и инвалидизм (от англ. *disablism*). Эту тему активно изучают и развивают как зарубежные исследователи в области инвалидности, в частности Д. Гудли, Ф.К. Кэмпбелл, Г. Уолбрин, так и отечественные – Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов и др.

Нередко понятия «эйблизм» и «инвалидизм» взаимозаменяются, но исследователи отмечают, что разница между понятиями значительная. По мнению Д. Гудли, она заключается в фокусе внимания [5]. Инвалидизм фокусируется на инвалидности в целом, в то время как эйблизм сосредоточен на способностях и возможностях людей с инвалидностью. Иными словами, в эйблизме в ходе сравнения способностей людей с инвалидностью и без нее первые проигрывают вторым, что способствует дискриминации инвалидов в пользу условно здоровых [6]. Согласно теории Ф.К. Кэмпбелл инвалидизм основан на опыте и догадках, приводящих к неравному обращению, эйблизм же, в свою очередь, тесно связан с понятием нормы, традиционно сформировавшейся в обществе, любое отклонение от которой воспринимается, как неполноценность [7]. Эйблизм опирается на убеждения, что инвалидность изначально является чем-то негативным и при любой возможности должна быть

устранена или нейтрализована, что связывает его с медицинской моделью инвалидности, которая в качестве эффективного метода включения инвалидов в общество предлагает их излечение. В качестве нормы в данном случае устанавливается культ здоровья. Термин «эйблизм» употребляется наравне с такими понятиями, как расизм, сексизм, эйджизм, что говорит о схожести механизмов воздействия. Так, изначально неравное отношение к инвалидам влияет на представления людей, что в результате приводит к возникновению стереотипов без особого осознания причины их появления.

Для прояснения оснований доминирования определенных теорий мы предлагаем обратиться к разработкам социальной теории и социальной философии. Мы полагаем, что в первую очередь в основе господствующих теорий дискриминации лежит концепция «Я–Другой», к которой неоднократно обращались различные философы, социологи и психологи. Понятие «Другого» рассматривается с нескольких точек зрения, но важно отметить, что оно не всегда имеет негативную окраску, позволяя порой человеку глубже понять себя через соотнесение с «Другим». Иными словами, зачастую идентичность субъекта формируется посредством диалога «Я–Другой».

Дискриминация подразумевает под собой результат видения в «Другом» отклонения от нормы. В ее основе лежит понятие «Другого» как «не-Я», сродни таким понятиям, как чужой, ненормальный, иной. Как отметил французский философ А. Бадью, «с этим пресловутым “Другим” можно иметь дело, только если это хороший другой...» [8].

И.С. Дорогавцева в своей работе выделяет следующие типы «Другого» [9. С. 17]:

- 1) значимый «Другой» / «Другой» в структуре моего «Я»;
- 2) «Другой» как «Ты»;
- 3) «Другой» как «не-Я», как отклонение от нормы «Я»;
- 4) «Другой» как носитель иной культуры.

В рамках нашей тематики мы будем углубляться в понимание «Другого» как отклонение от нормы. Аргументы в подтверждение противопоставления «Другой» как «не-Я» изложены в трудах Г. Гегеля, Ж.-П. Сартра, Ортега-и-Гассета и др. Идеи Г. Гегеля и Ж.-П. Сартра схожи в том, что в основе концепта «Я–Другой» лежит конфликт, в рамках которого отношения рассматриваются с позиций субъект–объект, где субъект склонен подчинять объект. Г. Гегель описывает эти отношения в понятиях «власть», «страх», «повиновение» и других на примере отношений «Господин–Раб», где «Раб» является чужеродным для «Господина» [10].

Ж.-П. Сартр видит «Другого» в качестве враждебного «Чужого». В русскоязычном предисловии к книге Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии» В.И. Колядко цитирует сартровское объяснение фразы «Ад – это другие», сказанной героем в драме «За закрытой дверью»: «Другие люди являются адом, поскольку вы заброшены с рождения в ситуацию, которой должны подчиняться...» [11. С. 6]. По Ж.-П. Сартру, отношения «Я» с «Другим» в первую очередь заключаются во взгляде, от которого

зависит позиция объекта и субъекта. Враждебность «Другого» заключается в стремлении сделать «Я» объектом и проявляется в его взгляде словно в «замочную скважину». «Ортега-и-Гассет указывает на специфически французскую способность политизировать отношение к “Другому”, когда упоминает о “взгляде из-за кулис”, *les yeux en coulisse* – следящий, контролирующий, преследующий, ненавидящий, унижающий и т.п., – повсюду взгляд, который превращает нас в объекты чужой воли, страсти и насилия» [12].

Критическую позицию в данном вопросе занимают представители феминистского и постструктуралистского течений, в частности Д. Батлер, М. Фуко и др. Позиция выражается в их предположении, что в основе взаимодействия с «Другим» лежат властные отношения между «субъектом и подчиненным». «Другой» рассматривается с точки зрения маргинальности, где процесс взаимодействия субъекта с объектом приводит к дальнейшему исключению подвластного. Д. Батлер приходит к выводу, что идентичность «Другого» определяется дискурсом власти, а непосредственно господствующая группа существует за счет маргинализации [13]. По мнению М. Фуко, в процессе взаимодействия возникает противопоставление «самотождественности» и «Другого», а для того чтобы укрепить свой статус, необходимо создание образа «Другого», который несет угрожающую функцию, например, безумного, о чем пишет автор в своей работе «История безумия в классическую эпоху» [14]. Также это может выражаться не только в качестве страха перед безумием, но и в боязни самого безумия, сродни демонтофобии (страха сойти с ума). Это приводит к потребности исключить и подчинить «Другого». Субъект же, подавляя «Другого», вырабатывает норму, которая в свою очередь конструирует «Другого», находящегося в плену своей идентичности, навязанной извне. Если обратиться непосредственно к объекту исследования, то можно сделать вывод, что человек с инвалидностью воспринимается обществом как «Другой», отклоняющийся от нормы, который в свою очередь воспринимает отрицательную оценку как негативное представление о самом себе, т.е. происходит наклеивание ярлыка, способствуя конструированию модели нетипичности.

В процессе перехода от индивидуального к коллективному появляются иные бинарные оппозиции: «свой–чужой», «мы–они», которые нашли свое отражение в различных теориях (например, опирающихся на идеи этноцентризма), таких как социальный дарвинизм, описанный в трудах У.Г. Самнера «Народные обычаи», Л. Гумпловича «Расовая борьба» и т.д. В свою очередь, идеи этноцентризма имеют тенденцию перерастать в идеи национализма или расизма, которые лежат в основе расовой концепции, описанной в работах Ж.А. Гобино «Эссе о неравенстве человеческих рас», Х.С. Чемберлена «Основы XIX века». Данные оппозиции имеют место быть в теориях классового подхода, например в марксистской теории К. Маркса и Ф. Энгельса, а также в учении евгеники, отстаиваемом Ф. Гальтоном в книге «Исследование человеческих способностей и их развития» и др.

В отношении дискриминации людей с инвалидностью данная концепция имеет ключевое значение, так как инаковость, особенно визуальная, часто отрицается, считается не нормой, соответственно антиномия «Я–Другой» тесно связана с оппозицией «норма–отклонение», где «Я» является нормой, а «Другой» выступает в качестве отклонения от нее. Как известно, соотношение понятий «норма» и «отклонение» рассматривалось в теории социальной аномии Э. Дюркгейма, теории социального напряжения Р. Мертон. За основу нормы берется образец, идеал. Нормальный – значит соответствующий норме или действующий соответственно норме. Э. Дюркгейм [15] и Р. Мертон [16] ввели оппозиционное понятие норме – девиацию. Девиация может рассматриваться с двух точек зрения, с одной стороны, как отклонение от устоявшейся нормы, а с другой – как нарушение социальных норм, пренебрежение ими. Но в целом оба варианта подразумевают неудовлетворение социальных ожиданий данного общества.

Этапы развития данной проблемы и ее влияние на общественные процессы исследовались в социальной теории Т. Парсонса, теории власти М. Фуко и др. С точки зрения Т. Парсонса, норма является основной функцией интеграции социальных систем [17. С. 18]. То есть пренебрежение нормой или ее отсутствие может привести к дестабилизации системы. М. Фуко же за основу нормы берет медицинскую норму, четкое следование которой приводит к процессу медиализации, сродни медицинской модели инвалидности, которая предполагает стремление к достижению нормы посредством осуществления власти и контроля [18].

Таким образом, понятие нормы является отправной точкой в вопросе инвалидности. То, что не является нормой, считается патологией или отклонением от нее. Но что брать за норму, и кто ее устанавливает? Ответы на эти вопросы содержатся в теории стигмы. Именно стереотипное мышление зачастую помогает определить эту норму и условно закрепить ярлык за тем, что в нее не вписывается.

В современный научный язык понятие стигмы (от греч. – клеймо, отметина) было введено И. Гофманом в его одноименной работе в 1963 г. Он выделил три основных вида стигмы: племенная идентичность (например, раса, этническая принадлежность, религия), физические аномалии тела и недостатки индивидуального характера (например, психические заболевания). Соответственно, тот, кто не является носителем данных характеристик, представляется нормальным [19].

Возникновение процесса стигматизации обосновывается с помощью символического интеракционизма Дж. Г. Мида [20], Г. Блумера [21], где интерпретация действий, намерений окружающих и наша реакция на них опираются на наш опыт и представления о других. Осмысление происходит в рамках драматургического подхода И. Гофмана [22], который взял за основу теорию символического интеракционизма и развил ее, применив драматургический подход, суть которого в проведении аналогии между повседневным и театральным миром, где в том и другом случае

люди играют соответствующие социальные роли. Также воспроизводство стигмы объясняется с точки зрения социального конструкционизма, представленного в работе «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана [23], где авторы приходят к выводу, что даже субъективные представления людей о реальности, об обществе конструируются посредством общественного знания. Таким образом, можно сделать вывод, что стигма создается в обществе, транслируется обществом, и ввиду распространности и укорененности той или иной стигмы в сознании людей не так просто нивелировать ее влияние на их взаимодействие.

Люди с инвалидностью являются одной из наиболее стигматизированных групп, отчасти ввиду внешне выраженных признаков, в свою очередь навешивание ярлыка «инвалид» сопровождается возникновением множественных стереотипов, например о причинах возникновения инвалидности, об интеллектуальных способностях, о сексуальных возможностях инвалидов и т.д. Однако, с одной стороны, общество накладывает стигму, с другой – и сам человек с инвалидностью, вступая в отношения с окружающими, наделяет представление собеседника знанием о его инвалидности, иными словами, прибегает к самостигматизации.

Стигма накладывается большинством, соответственно, меньшинство оказывается в невыгодной позиции. С точки зрения Р. Дрейка, «гораздо больше условно здоровых людей, чем людей с ограниченными возможностями, может быть, именно поэтому преобладающие нормы и ценности отражают интересы большинства и могут подчинять интересы меньшинства. Эти же самые нормы составляют основу современной политики инвалидности» [24. С. 9]. Однако существуют и другие мнения на этот счет, в частности Л. Г. Ионин считает, что «Меньшинство складывается из индивидов, демонстрирующих отклоняющееся, не соответствующее норме поведение. <...> Меньшинство – это не те, кого меньше, чем других, а те, чье поведение отличается от нормального, как бы мы ни определяли понятие нормы» [25. С. 68]. Большинство во многом определяется с помощью власти, и выталкивает, исключает меньшинство. Классическим примером дискриминации меньшинства большинством является недоступность физической и коммуникативной среды.

Необходимо отметить теорию дискриминируемого меньшинства, разработанную М. Оливером, С. Бернсом, Т. Шекспиром, Е. Бернес. Анализ взаимоотношений социума и нетипичной телесности освещался в труде профессора М. Оливера, где утверждалось, что стигматизация фигуры инвалида в обществе и является объектом для «жалующего взгляда» доминантного большинства (цит. по: [26. С. 9]). Е. Бернес в свою очередь убеждена, что дискриминация людей с инвалидностью по большей части связана не столько с отклонением от нормы, сколько с позицией меньшинства, и заключается все это в социальном конструировании инвалидности [27]. Однако, по ее мнению, инвалидность – это то, что делает другим, но не делает хуже.

Таким образом, концепция «Я–Другой», теории нормы, стигмы и меньшинств, обосновывающие дискриминацию инвалидов, объясняет существование медицинского подхода к инвалидности, который значительный период времени воспринимался в качестве универсальной истины.

Социальные и культурные изменения, начавшиеся со второй половины XX в., оказали свое влияние на отношение к инвалидам и поведение самих меньшинств. Представители изначально разрозненного меньшинства начинают объединяться в сообщества, образовывать различные объединения, общественные организации, активно внедряться в научную среду и политику, где успешно отстаивают свои права. Сегодня, согласно данным ООН, во всем мире проживает 650 млн человек с инвалидностью, составляя около 8,5% населения [28]. В России, в свою очередь, на 2019 г. насчитывается 11,947 млн человек с инвалидностью [29], представляя одно из самых крупных меньшинств.

В связи с развитием релятивистского подхода, который не обошел стороной вопрос инвалидности, возникает плюрализм новых идей и подходов как попытка предложить новые интерпретации причин дискриминации инвалидов и способов ее преодоления. Считается, что наиболее перспективной в этом отношении является социальная модель инвалидности, основной идеей которой является изменение отношения общества и интеграция инвалидов в общественные процессы. Социальная модель воспринимает инвалидность скорее как проблему, которая является результатом социального конструирования общества. С точки зрения Л. Баркли, если человек чувствует себя ущемленным, то, вероятно, это происходит в результате несправедливой организации общества [30].

В связи с этим политика дискриминации постепенно сменяется политикой позитивной дискриминации (от англ. affirmative action), под которой понимается «система привилегий в обществе для получения равных возможностей дискриминируемой группе» [31]. Реализация данного подхода социальной политики способствовала активизации защиты права меньшинства. Первое, на что делается акцент, – это замена понятия «инвалид» на «человек с ограниченными (альтернативными) возможностями» или на другие вариации, в которых опускается термин «инвалид». Считается, что политкорректность призвана защитить права этих меньшинств. Политика позитивной дискриминации породила дискуссию в литературе среди исследователей. В ходе этой дискуссии сложилось два подхода: прагматический и семантический. Представители прагматического подхода настаивают на употреблении понятия «инвалид», которое, по их мнению, наиболее точно отражает проблемы и потребности данной категории. К тому же данный термин употребляется в научных и профессиональных кругах. Сторонники семантического подхода склоняются к замене дискриминирующего термина «инвалид» на нейтральный аналог, например «человек с ограниченными возможностями здоровья» [32]. Однако запрет на употребление понятия «инвалид» является неэффективным средством борьбы с дис-

криминацией, поскольку является признанием его силы.

Также среди наиболее приоритетных форм позитивной дискриминации можно выделить: инклюзивное образование, которое внедряется на всех уровнях образования (преобразование коррекционных школ, поступление в университеты на льготных основаниях), квоты на рабочие места для инвалидов, создание доступной среды и др. Позитивные последствия этих мер связаны с тем, что права инвалидов учитываются, это является актуальным трендом на сегодняшний день [25. С. 65]. Так, например, обучение в инклюзивном классе способствует разрушению стигмы, исследования доказывают, что чем младше ребенок, тем легче он вступает в контакт с ребенком с инвалидностью. Также создание доступной среды и включение инвалидов в трудовую деятельность позволяют постепенно интегрировать некоторых представителей определенных нозологий инвалидности в общественные процессы.

Однако исследователи констатируют, что есть и негативные последствия мер позитивной дискриминации. Например, в рамках создания доступной среды изменения не всегда являются уместными. С одной стороны, в современных реалиях доступная среда на бумаге не всегда совпадает с реальной ситуацией, а с другой стороны, то, что является для одних доступной средой (приемлемым), может быть неприемлемым для других [30. Р. 276]. Например, создание гипермаркетов решает проблемы глухих и слабослышащих, но усложняет жизнь людей с нарушениями зрения.

В свою очередь, пробелы в позитивных мерах, таких как организация получения образования и занятости инвалидов, можно проследить на примере людей с умственной отсталостью. Не совсем понятно, как организовать обучение условно здоровых и умственно отсталых детей на уровне инклюзии. Это может привести, с одной стороны, к ущемлению прав детей без инвалидности и к чувству неполноценности среди детей с умственной отсталостью – с другой. Или же возникают сложности в борьбе со стереотипным мышлением населения, так, людей с психическими расстройствами часто неправильно понимают и считают опасными, некомпетентными или неспособными вписаться в соответствующие социальные роли [32].

Мы предполагаем, что это связано в первую очередь с тем, что политика позитивной дискриминации, как и негативная дискриминация, ориентируется на бинарную оппозицию «Я–Другой». Однако в данном случае эта антиномия приобретает противоположный характер. Здесь ключевой становится следующая установка: «Он не такой как я, отклоняющийся от нормы, соответственно нуждается в помощи и в дополнительных условиях». Иными словами, даже несмотря на попытки изменить понятие «норма», оно остается прежним.

Таким образом, позитивная дискриминация не решает проблему стигматизации. М. Уилсон и К. Сьё в ходе проведенного в 2015 г. исследования пришли к выводу, что, хотя за последние несколько десятилетий были предприняты значительные усилия по борьбе с

негативными стереотипами, по-видимому, все также преобладают негативные установки в форме имплицитных [33]. Важно отметить, что стигма внешне может носить не только негативный характер, но и условно позитивный, однако воспринимаемый самими инвалидами как дискриминируемое поведение. То есть стереотип, что инвалиды могут быть опасны, заменяется стереотипом, что они нуждаются в сочувствии и жалости. Об этом свидетельствует российское исследование отношения общества к людям с инвалидностью. Результаты показали, что большинство испытывают эмпатию (сопереживание) (28,7%), меньшая часть – чувство жалости (27,4%) [34].

В основе позитивной дискриминации также лежит концепция меньшинства. При этом стоит сказать об изменении статуса меньшинства с дискриминируемого на доминантное и постепенном переходе от позитивной дискриминации к обратной. Некоторые исследователи считают, что обратная дискриминация не является тем же самым, что и позитивная, это один из возможных ее видов, но в современных реалиях позитивная дискриминация больше похожа на обратную.

Обратная дискриминация (от англ. reverse discrimination) подразумевает под собой защиту прав групп меньшинств за счет интересов большинства [35]. Это приводит к тому, что люди из большинства ощущают себя незащищенными и дискриминируемыми. Современным примером проявления крайности обратной дискриминации является американская кинопремия «Оскар», где порой предпочтение отдается фильмам, раскрывающим темы расизма и гомосексуальности. Существенным же является агрессия в адрес того, кто является в данном случае доминантным.

Несмотря на смену вектора направления политики с дискриминации на позитивную дискриминацию, остаются все же вопросы, связанные с состоятельностью механизмов интеграции инвалидов в социум. В первую очередь это исходит из отношения самого

общества, мнение которого подавляется властью государства и объединенного меньшинства, «доброжелательное» отношение к инвалидам навязывается извне. То есть политике, основанной на позитивной дискриминации, свойственны применения различных мер включения инвалидов в общество за счет интересов самого общества, вопреки его мнению, что приводит к напряжению со стороны общества, неготовности воспринимать инвалидов как себе равных и дискриминации на имплицитном уровне. Это хорошо демонстрирует пример отношения общества к людям с умственной отсталостью. Условно здоровые люди зачастую не готовы мириться с тем, что слабоумный ребенок будет учиться в одном классе с «нормальными» детьми, будет занимать соседнее рабочее место, если он объективно не способен конкурировать за это рабочее место на равных условиях, и т.д. Это вызвано чувствами тревоги, страха, несправедливости, неизвестности, которые подкрепляются различными стереотипами. Человек с интеллектуальной патологией все также воспринимается как «Другой», иной, ненормальный, не такой как все.

Таким образом, неэффективность политики позитивной дискриминации обуславливается методологией, основанной, по сути, на простом переворачивании оппозиции. То, что длительный период времени считалось «нормой», становится отклонением от нее. Однако, отрицая одну норму, мы подобным образом постулируем другую. Обращаясь к позитивной дискриминации под предлогом выравнивания прав дискриминируемой группы, мы, так или иначе, затрагиваем интересы других групп. В связи с этим, чтобы выработать продуктивную политику интеграции инвалидов в общество, необходимы не просто новые технологии, но и новые основания, которые позволят по-новому взглянуть на те проблемы социальной политики, которые, казалось бы, лежат на поверхности, но на деле не имеют позитивных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о правах инвалидов // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 09.03.2020).
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 09.03.2020).
3. Goodley D. *Dis/ability studies: Theorising disability and ableism*. London; New York : Routledge, 2014. 204 p.
4. Positive discrimination // Cambridge Dictionary: Official website. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/positive-discrimination> (дата обращения: 25.05.2020).
5. MacLaury J. President Kennedy's E.O. 10925: Seedbed of Affirmative Action // Federal History. 2010. URL: <http://fd.valenciacollege.edu/file/ftua/History%20of%20EO%2010925%20and%20Affirmative%20Action.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).
6. Hanisch S.E., Twomey C.D., Szeto A.C.H., Birner U.W., Nowak D. The effectiveness of interventions targeting the stigma of mental illness at the workplace: A systematic review // *BioMedCentral Psychiatry*. 2016. Vol. 16, № 1. URL: <https://bmcp psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12888-015-0706-4> (available: 25.04.2020).
7. Campbell F.K. Exploring internalized ableism using critical race theory // *Disability & Society*. 2008. Vol. 23, № 2. P. 151–162.
8. Бадью А. *Этика: Очерк о сознании Зла*. СПб. : Machina, 2006. 43 с.
9. Дорогавцева И.С. Проблема другого в западной культуре : дис. ... канд. культурологии. Чита, 2006. 180 с.
10. Гегель Г. *Феноменология духа*. М. : Наука, 2000. 495 с.
11. Сартр Ж.П. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии* / пер. с фр., предисл., прим. В.И. Колядко. М. : Республика, 2000. 639 с.
12. Подорога В.А. *Словарь аналитической антропологии* // *Логос*. 1999 № 2. С. 26–88.
13. Ушаки С.А. Политическая теория феминизма // *Вопросы философии*. 2000. № 11. С. 27–52.
14. Фуко М. *История безумия в классическую эпоху* / пер. И.К. Стаф. М. : АСТ; АСТ Москва, 2010. 698 с.
15. Дюркгейм Э. *Самоубийство: Социологический этюд*: пер. с фр. с сокр. / под ред. В.А. Базарова. М. : Мысль, 1994. 399 с.
16. Мертон К.Р. *Социальная структура и аномия* // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 118–124.
17. Парсонс Т. *Система современных обществ* / пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
18. Фуко М. *Рождение клиники* / пер. с фр., науч. ред. и предисл. А.Ш. Тхостова. М. : Смысл, 1998. 310 с.
19. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London : Penguin, 1963. 176 p.

20. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добрянкова. М. : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 213–221.
21. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 173–179.
22. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
24. Drake R.F. Understanding Disability Policies. London : MACMILLAN PRESS LTD, 1999. 244 p.
25. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М.; СПб. : Университетская книга, 2012. 237 с.
26. Русанова А.А. Конструирование нетипичной телесности: социально-философский анализ : дис. ... канд философ. наук. Томск, 2019. 124 с.
27. Barnes E. The Minority Body. Oxford : Oxford University Press, 2016. 200 p.
28. Фактологический бюллетень по вопросам инвалидов // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_7.shtml (дата обращения: 25.04.2020).
29. Общая численность инвалидов по группам инвалидности // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/1-1.doc> (дата обращения: 25.04.2020).
30. Barclay L. Justice and disability: What kind of theorizing is needed? // Journal of Social Philosophy. 2011. Vol. 42, № 3. P. 273–287.
31. Воеводина Е.В. «Инвалид» как социальная стигма и пространство для дискуссий // Человек. Общество. Инклюзия. 2014. № 4 (20). С. 10–15.
32. Pescosolido B.A., Medina T.R., Martin J.K., Long J.S. The «Backbone» of Stigma: Identifying the Global Core of Public Prejudice Associated With Mental Illness // American Journal of Public Health. 2013. Vol. 103, № 5. P. 853–860.
33. Wilson M.C., Scior K. Implicit Attitudes towards People with Intellectual Disabilities: Their Relationship with Explicit Attitudes, Social Distance, Emotions and Contact // PLoS One. 2015. Vol. 10, № 9. P. 1–19.
34. Мазунина Н.А. Стигма как основной барьер общественного сознания на пути к социальной интеграции лиц с инвалидностью // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 2 (22). С. 158–163.
35. Pincus F.L. Reverse discrimination: Dismantling the myth. London : Lynne Rienner Publishers, 2003. 183 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 7 октября 2020 г.

The Policy of Positive Discrimination for People With Disabilities: A Socio-Philosophical Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 461, 57–63.

DOI: 10.17223/15617793/461/7

Alyona V. Goldovskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Alyona170494@mail.ru

Keywords: disability; discrimination; the other; policy of positive discrimination; philosophy of disability.

The article analyzes the policy of positive discrimination for people with disabilities. In the framework of this policy, measures are most often developed and implemented in the fields of education, employment, and material support. The purpose of this policy is to strive to equalize the rights and opportunities of the previously discriminated group of people with disabilities. Despite the active implementation of “affirmative action”, problems arise that are connected not only with the dissatisfaction of the target group, but also with the manifestation of discontent among people without disabilities. The author of the article aims to identify the reasons for the insolvency of the policy of positive discrimination for persons with disabilities. She assumes that the reason is the fact that interpretations of positive discrimination, despite their outwardly positive connotation, retain a discriminatory nature and rely on the same socio-philosophical foundations as in negative discrimination. Discrimination of people with disabilities is denoted by the terms “ableism” and “disablism”; the difference between them is the focus of attention. It is assumed that the prevailing theories of discrimination are based on the following theories: the concept of “Self-Other” in the understanding of “Other than the Self”, justified by G. Hegel, J.-P. Sartre, J. Ortega y Gasset and criticized by M. Foucault, J. Butler; the norm theory developed by C. Durheim, R. Metron and investigated by T. Parsons, M. Foucault; the theory of stigma introduced by E. Goffman; as well as the theory of minorities, which causes numerous disputes in the academic community and is reflected in the works of M. Oliver, S. Burns, T. Shakespeare, E. Bernes on the topic of a discriminated minority. These concepts also maintain their fundamental position in interpreting policies of positive discrimination. Thus, the policy of positive discrimination, like negative discrimination, focuses on the binary opposition “Self–Other than the Self”, although it acquires an outwardly positive character, and on the aspiration to help and adapt to the needs of a person with a disability. The policy of positive discrimination, partly because it is imposed from outside, does not solve the problem of stigmatization. Studies prove the prevalence of negative attitudes in the form of implicit ones. There is a change in the status of a minority from the discriminated to the dominant, and a transition from positive to reverse discrimination. The author comes to the conclusion that the inefficiency of the measures is determined by the methodology which is based, in fact, on the simple reversal of the opposition. In this regard, it can be concluded that, in order to change the current situation and include people with disabilities in society, it is necessary not only to develop various technologies and methods, but also to change the socio-philosophical foundations.

REFERENCES

1. UN. (2007) *Konventsiya o pravakh invalidov* [Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (Accessed: 09.03.2020).
2. Russian Federation. (1995) *O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ* [On social protection of disabled people in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1995, No. 181-FZ]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (Accessed: 09.03.2020).
3. Goodley, D. (2014) *Disability studies: Theorising disablism and ableism*. London; New York: Routledge.
4. Cambridge Dictionary. (2020) *Positive discrimination*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/positive-discrimination> (Accessed: 25.05.2020).
5. MacLaury, J. (2010) President Kennedy’s E.O. 10925: Seedbed of Affirmative Action. [Online] Available from: <http://fd.valenciacollege.edu/file/ftua/History%20of%20EO%2010925%20and%20Affirmative%20Action.pdf> (Accessed: 25.04.2020).
6. Hanisch, S.E., Twomey, C.D., Szeto, A.C.H., Birner, U.W., Nowak, D. (2016) The effectiveness of interventions targeting the stigma of mental illness at the workplace: A systematic review. *BioMedCentral Psychiatry*. 16 (1). [Online] Available from: <https://bmcp psychiatry.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12888-015-0706-4> (Accessed: 25.04.2020).

7. Campbell, F.K. (2008) Exploring internalized ableism using critical race theory. *Disability & Society*. 23 (2). pp. 151–162.
8. Badiou, A. (2006) *Etika: Ocherk o soznanii Zla* [Ethics: An Essay on the Understanding of Evil]. Translated from French by V.E. Lapitskiy. St. Petersburg: Machina.
9. Dorogavtseva, I.S. (2006) *Problema drugogo v zapadnoy kul'ture* [The problem of the other in Western culture]. Culturology Cand. Diss. Chita.
10. Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [The phenomenology of spirit]. Moscow: Nauka.
11. Sartre, J.-P. (2000) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Translated from French. Moscow: Respublika.
12. Podoroga, V.A. (1999) Slovar' analiticheskoy antropologii [Dictionary of Analytical Anthropology]. *Logos*. 2. pp. 26–88.
13. Ushakin, S.A. (2000) Politicheskaya teoriya feminizma [The political theory of feminism]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 27–52.
14. Foucault, M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Translated from French by I.K. Staf. Moscow: AST; AST Moskva.
15. Durkheim, E. (1994) *Samoubiystvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: A Study in Sociology]. Translated from French. Moscow: Mysl'.
16. Merton, R.K. (1992) Social structure and anomie. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 118–124. (In Russian).
17. Parsons, T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Translated from English by L.A. Sedov, A.D. Kovalev. Moscow: Aspekt Press.
18. Foucault, M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The birth of the clinic]. Translated from French. Moscow: Smysl.
19. Goffman, E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London: Penguin.
20. Mead, G.H. (1996) Ot zhesta k simvolu [From gesture to symbol]. Translated from English. In: Dobren'kov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty* [American sociological thought: Texts]. Moscow: International University of Business and Management. pp. 213–221.
21. Blumer, H. (1984) Obshchestvo kak simvolicheskaya interaktsiya [Society as a symbolic interaction]. Translated from English. In: Andreeva, G.M., Bogomolova, N.N. & Petrovskaya, L.A. (eds) *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya: teksty* [Modern foreign social psychology: texts]. Moscow: Moscow State University. pp. 173–179.
22. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Translated from English by A.D. Kovalev. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
23. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated from English. Moscow: Medium.
24. Drake, R.F. (1999) *Understanding Disability Policies*. London: MACMILLAN PRESS LTD.
25. Ionin, L.G. (2012) *Vosstanie men'shinstv* [The rise of minorities]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
26. Rusanova, A.A. (2019) *Konstruirovaniye netipichnoy telesnosti: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Construction of atypical corporality: A socio-philosophical analysis]. Philosophy Cand. Diss. Tomsk.
27. Barnes, E. (2016) *The Minority Body*. Oxford: Oxford University Press.
28. UN. (2020) *Faktologicheskii byulleten' po voprosam invalidov* [Factsheet on persons with disabilities]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_7.shtml (Accessed: 25.04.2020).
29. Federal State Statistics Service. (2020) *Obshchaya chislennost' invalidov po gruppam invalidnosti* [The total number of persons with disabilities by disability group]. [Online] Available from: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/1-1.doc> (Accessed: 25.04.2020).
30. Barclay, L. (2011) Justice and disability: What kind of theorizing is needed? *Journal of Social Philosophy*. 42 (3). pp. 273–287.
31. Voevodina, E.V. (2014) "Invalid" kak sotsial'naya stigma i prostranstvo dlya diskussiy ["Disabled person" as social stigma and space for discussion]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4 (20). pp. 10–15.
32. Pescosolido, B.A., Medina, T.R., Martin, J.K. & Long, J.S. (2013) The "Backbone" of Stigma: Identifying the Global Core of Public Prejudice Associated With Mental Illness. *American Journal of Public Health*. 103 (5). pp. 853–860.
33. Wilson, M.S. & Scior, K. (2015) Implicit Attitudes towards People with Intellectual Disabilities: Their Relationship with Explicit Attitudes, Social Distance, Emotions and Contact. *PLoS One*. 10 (9). pp. 1–19.
34. Mazunina, N.A. (2015) Stigma kak osnovnoy bar'er obshchestvennogo soznaniya na puti k sotsial'noy integratsii lits s invalidnost'yu [Stigma as the main barrier of public consciousness on the way to social integration of persons with disabilities]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 2 (22). pp. 158–163.
35. Pincus, F.L. (2003) *Reverse discrimination: Dismantling the myth*. London: Lynne Rienner Publishers.

Received: 07 October 2020